

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

ЭДМУНД БЕРК И КОНСЕРВАТИВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ГЕРМАНИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Н.Ф. Жирнов

Кафедра политических наук
Поволжская академия государственной службы им. П.А. Столыпина
ул. Соборная, 23/25, Саратов, Россия, 410031

Проявления консерватизма во многом обусловлены происходящими в обществе политическими изменениями. Задача консерватизма — корректировать эти изменения, не допускать распространения радикальных идей и воплощения их в реальной политической практике. Концептуальное обоснование данного подхода к изменениям в обществе нашло свое отражение в работах английского мыслителя XVIII века Э. Берка. В иной форме консервативные концепции развивались в немецкой консервативной мысли XX века.

Ключевые слова: история политических учений, консерватизм, Эдмунд Берк.

Политическая мысль складывается и развивается в сложной системе идеологических влияний, из которых наиболее важен идейный материал, который был сформирован в ходе предшествующего развития.

Политическая мысль, выраженная в политической теории, всегда соответствует исторической обстановке, степени развития культуры, социально-политической психологии. В политических теориях выражаются политические идеи, достигающие своего расцвета и оказывающие особое воздействие на развитие не только отдельных народов, но и сопредельных цивилизаций.

Это в полной мере относится и к консерватизму как одному из важнейших течений в каждом конкретном обществе и имеет свою историю, свои закономерности.

Но можно говорить и об общих моментах в его развитии.

Для консерватизма характерно то, что он обнаруживал себя в обществе во все времена. Такое свойство консерватизма вызвано тем, что значительные перемены в политическом и общественном укладе, отношениях требуют обоснования правомерности, необходимости и целесообразности его существования в качестве универсальной системы ценностей. Данное требование находит свое практическое воплощение в конкретной политической философии, *философии консерватизма*, ориентированной на защиту традиционных основ политической жизни, незыбле-

мых ценностей и противостоящей радикальным новациям. Ее функцией выступает обоснование консервативных ценностей, которые служат основой для развития общества, страны, государства. Поэтому и во многом политической философии консерватизма присуща национальная специфика.

Консервативная идеология для сохранения своих господствующих позиций в обществе была не раз вынуждена обновляться на теоретическом уровне, воспроизводить себя, обогащаться новыми ценностями, но всегда утверждать и защищать традиционные ценности.

Такие черты для консерватизма были характерны в конце XIX — начале XX века, когда Европа вступила в период глубокого кризиса. Объяснение сложившегося положения исследователи того периода оценивают по-разному. Одни связывают этот период с «эпохой модернизации», другие с «восстанием масс», третьи — кризисом «эпохи Просвещения».

Кризис затронул все стороны европейской жизни: политическую жизнь, экономические отношения, социальный порядок и ценностные основы европейского общества. Одним из его последствий стало появление таких сложных исторических феноменов, как нацизм, фашизм и большевизм, а также целого ряда других оригинальных идейных комплексов и возникших на их базе движений.

Следует, однако, отметить, что такие понятия, как «консерватизм», «либерализм», «социализм», получили свое закрепление и распространение в политической жизни Запада в XIX веке, и с тех пор вкладываемое в них содержание претерпело существенные, а в некоторых аспектах радикальные изменения. Ряд важнейших идей подверглись в своей основе инверсии: некогда либеральные или социалистические идеи приобрели консервативный оттенок. Имеет значение то, что определенные идеи и концепции, хотя между ними есть отдельные точки соприкосновения, существенно отличаются друг от друга по целому ряду программных целей и методов их достижения.

Каждое идейно-политическое течение — это не просто раз и навсегда данный комплекс идей и доктрин, а определенное отношение к действительности, к тенденциям политической жизни, подвергающейся более или менее существенным изменениям в зависимости от конкретных исторических условий. Поэтому определение того или иного течения философско-политической мысли как некоторого комплекса неизменных и однозначно трактуемых идей и доктрин может лишь исказить его действительную сущность, поскольку одни и те же идеи и концепции в разные исторические периоды и в разных политических контекстах могут быть инверсированы по-разному для достижения разных целей.

Следовательно, консерватизм рассматривается как система воззрений на окружающий мир, тип политико-идеологической ориентации, которая не всегда ассоциируется с конкретными политическими партиями.

В становлении политической философии консерватизма необходимо выделить проблему, связанную с его идейным источником, духовными корнями. В настоящее время все западные исследователи консерватизма отцом-основателем консерватизма считают Эдмунда Берка. В качестве философской основы им была

выдвинута идея органической эволюции общества [5]. Ее сущность заключалась в том, что общество и его институты являются результатом многовековой эволюции, а потому любые потрясения и радикализм неприемлемы, не говоря уже о революции. На этой основе Э. Берк защищал политическую систему, установленную «Славной революцией» 1689 г.

В несколько иной политической и социальной обстановке развивалась политическая мысль в Германии начала XX века. В этот период в политической мысли появляется течение, получившее название «Консервативной революции», которое было во многом тождественно мировоззрению, сформировавшемуся в Веймарской Германии.

Идеи «Консервативной революции» определялись такими мыслителями, как О. Шпенглер, М. Хайдеггер, К. Шмитт, Л. Штраус, А. Меллер, Э. Юнгер. В их политической философии отразилась как общетеоретическая линия консерватизма, так и идеи, которые были инверсированы из других идеологических течений конца XIX — начала XX века.

Так, в работе О. Шпенглера «Пруссачество и социализм» [3] дается трактовка «прусского социализма» как особой модели государственного устройства и национального менталитета.

Социализм понимался им скорее как «социальность» — способность к общности, берущая свое начало с традиции. Разнообразные интересы утрачивают противоречия в служении нации высшей идее. Личности должны служить целому — государству. Жертвовать личными интересами в пользу общности определяется О. Шпенглером как исконная прусская добродетель, противопоставленная партийным антагонизмам Веймарской республики (английскому либерализму и французской демократии) и марксистскому нигилистическому социализму. Революцию 1918 г. О. Шпенглер считал предательством, поражением в непроигранной войне.

О. Шпенглер, как и многие из тех, кто примыкал к «консервативной революции», решительно отделяли себя от примитивных биологизаторских концепций расы и нации.

О. Шпенглер утверждал, что раса предопределяется не костным строением, а плотью, которая облекает скелет, и, в свою очередь, неразрывно связана с неким пониманием времени и судьбы — движением. Что же касается нации, то в ее основе лежит идея и культурная общность народа. Кроме того, нациями могут быть лишь те народы, существование которых составляет всемирную историю. Духовный аспект нации представляет ее как общность исповедников, союз знающих путь к спасению. Таким образом, нацию формирует культура и история, составляющие национальную идентичность.

Несколько иная трактовка консерватизма периода «консервативной революции» приобретала у Артура Меллера (Меллер ван ден Брук). Его концепция государства, как и у Шпенглера, была основана на уважении к той традиции, которую Пруссия распространила на всю Германию, сцементируя разрозненные государственные образования в мощную державу — прусский государственный инстинкт преодолел аморфность немцев.

Прусский стиль как самоотречение человека во имя высших ценностей является Меллером образцом, исходя из которого должно происходить воспитание немецкой нации — «национализация» немецкого сознания и соединение культуры и политики.

Романтический нерв «пруссизма» означал, что для него есть и общемировая перспектива — наполнение немецкой сущностью всего мира.

Глубокую аналогию с русской философской традицией можно усмотреть в меллеровском национал-универсализме — немцам их духовный склад предписывает осваивать другие культуры и заимствовать из них лучшее, применяя для становления немецкого самосознания. Не случайно А. Меллер увлекался произведениями Достоевского и ценил морально-духовные качества русского народа.

Романтический универсализм А. Меллера сочетался у него с тезисом-призывом, который в равной мере относился к немцам и русским: «стать русскими во-первых и прежде всего», «стать немцем во-первых и прежде всего». Решение этой национальной и патриотической задачи, по мысли А. Меллера, имеет огромную ценность для Европы в целом, которая тем самым будет избавлена от пагубного влияния ценностей Запада, разлагающих органическую целостность народов. А. Меллер считал, что немцам не достает русской духовности, которая должна стать дополнением к собственно немецкой духовности и противовесом западничеству.

Антизападничество «консервативной революции» выразилось у А. Меллера в учении о противоборстве молодых и старых народов — молодые восточные народы противостоят погрязшим в индивидуализме западным. Молодые народы, проявляя большую способность к развитию, начинают претендовать за территории утративших активность старых народов. У молодых народов Европы, таким образом, возникает природное право на жизненное пространство, которое им должны уступить старые народы.

Стержневой идеей «консервативной революции» является соединение политики и культуры, позволяющее придать глубокий смысл, одухотворить и эстетизировать политику, все больше превращающуюся в игру низменных страстей. Одновременно полифония национальной культуры должна способствовать воссозданию национального единства и соединению естественных противоположностей. «Нация подразумевает общность ценностей, а национализм — сознание значимости этих ценностей».

Националистическая идея «быть друг для друга прежде всего немцами» отражает противопоставление западной системе ценностей, видевшей в человеческих отношениях причины для разделения по классам, партиям, сословиям и племенам. В этом противопоставлении родилась идея синтеза национализма и социализма в «Третьем Рейхе» [6]. При этом универсалистская идея «жить не только для себя» продолжала универсалистско-экспансионистские замыслы по адресу народов, заинтересованных только собственным Я.

Необходимо понимать, что экспансионизм А. Меллера носит ответный характер — является реакцией на Версальский мир и навязанную немцам либераль-

ную демократию. Такой демократии А. Меллер не принимает, предпочитая ей традиционную форму участия народа в собственной судьбе через преемственность, корпоративные связи и местное самоуправление.

Народное единство — вот суть настоящей демократии в противоположность либерально-индивидуалистической концепции. «Либерализм убивает культуру, разрушает отечество, он означает конец человечества».

Только в Германии, где не было националистического противовеса, либерализм, как полагает А. Меллер, был принят всерьез — с его помощью пытались избавиться от комплекса неполноценности по отношению к Западу. И в этом горьком выводе мы можем угадать и свою собственную нынешнюю ситуацию — сегодня именно в России либерализм не знает никаких пределов и его убийственные фантазии воплощены в жизнь.

А. Меллер выступал не только как критик либерализма, но и как яростный противник марксизма, который считал плодом либерального опошления социалистических идей. Лишенный национальных корней, социализм приобретает чуждые формы: «Там, где народ обладает сильной политической традицией, там против Маркса вся двутысячелетняя европейская история. Марксизм утвердился лишь в юных, мягких и безвольных народах, не осознавших своей миссии, в немецком и русском народах». Между тем русские выиграли революцию, став политической нацией и остановив Запад, а немцы революцию проиграли. Так считал А. Меллер, вероятно, различая в политике большевиков нечто вовсе немарксистское и уж наверняка — нелиберальное.

Противник марксизма, либерализма и капитализма А. Меллер требовал обращения к консерватизму, привития консервативного мировоззрения всем немцам, образования «третьей партии» — партии всех национально мыслящих немцев. И в нашей российской действительности надежда на «третью силу», которая все никак не сгустится из политического хаоса, доходит до болезненности и порой воплощается в болезненные же формы политической активности.

Еще одним ярким мыслителем «консервативной революции» является Эрнст Юнгер, чья концепция государства формулировалась в энергичном противопоставлении обществу бюргерского типа: «Общество — это государство, сущность которого стирается в той степени, в какой общество подгоняет его под свои мерки. Этот натиск обусловлен бюргерским понятием свободы, нацеленным на превращение всех связующих отношений ответственности в договорные отношения, которые можно расторгнуть» [4. С. 65].

Бюргерской свободе Э. Юнгер противопоставляет свободу, соединенную с государственным порядком, ибо это качество, которое прежде всех остальных считают присущим немцу, а именно порядок, — всегда будут ценить слишком низко, если не смогут усмотреть в нем отражение свободы в зеркале стали.

Послушание — это искусство слушать, а порядок — это готовность к слову, готовность к приказу, пронзающему подобно молнии от вершины до самых корней. Все и вся подчинено ленному порядку, и вождь узнается по тому, что он есть первый слуга, первый солдат, первый рабочий. Поэтому как свобода, так и поря-

док соотносятся не с обществом, а с государством, и образцом всякой организации является организация войска, а не общественный договор. Поэтому состояния предельной силы мы достигаем только тогда, когда перестаем сомневаться в отношении руководства и повиновения. Нужно понимать, что господство и служение — это одно и то же.

По мнению Э. Юнгера, подлинная жизнь носит черты героического и аристократического характера, но не индивидуалистического, а орденского типа.

Масса в условиях современности становится беспомощной, и только дисциплинированный орден, соединивший в себе людей с определенными качествами и готовых к самоотречению, может быть успешен в политике, войне, экономической борьбе. Не смягчения, а обострения противоречий требовал Э. Юнгер в своей доктрине политизации жизни. Он отмечает, что новый образ мира намечается не в размывании противоположностей, а в том, что они становятся более непримиримыми, и что каждая, даже самая отдаленная область приобретает политический характер. Он предрекал, что мир вступил в эпоху конфликтов, побеждать в которых будет техническая мощь и неустанный труд рабочего-делателя. Жизнь в эту эпоху требует тотальной мобилизации и тотального государства.

Национал-социализм Э. Юнгер противопоставлял либеральному капитализму и большевистскому социализму. Национал-социализм виделся как общность интересов нации, как интегральный национализм, во многом противоположный «старому» национализму вильгельмовской эпохи и ее ценностям.

Новый национализм родился в окопах Первой мировой войны и требовал иного состояния нации, в котором порядок является потребностью и учреждается нацией в виде авторитарного, тотального государства. Как и другие представители «консервативной революции», Э. Юнгер стоял на позициях национал-универсализма, во многом аналогичного русскому мессианизму. Он полагал, что новый национализм должен явить миру такую нацию, которая превзойдет понятие Европы и сделает немцев ведущей силой в мире.

Консервативная революция должна превратить немцев в империю работников-деятелей, живущих в мире современных машин.

В политической философии Карла Шмитта обнаруживается антилиберальное настроение «консервативной революции», одетое в строгие юридические формулы. В своем главном труде «Понятие политического» К. Шмитт прямо противопоставил национальное единство либеральной доктрине: «Систематическая теория либерализма касается почти исключительно только внутривнутриполитической борьбы против государственной власти и дает ряд методов сдерживания и контроля этой власти для защиты индивидуальной свободы и частной собственности, для того, чтобы сделать государство «компромиссом», а государственные учреждения — «клапаном», а в остальном «уравновешивать» монархию демократией, демократию — монархией». «Политическое единство должно в случае необходимости требовать, чтобы за него отдали жизнь. Для индивидуализма либерального мышления это притязание никоим образом недостижимо и не может быть обосновано» [1. С. 291—309].

Как А. Меллер и Э. Юнгер, К. Шмитт отрицает плодотворность бюргерской безопасности, особенно опасной для общества в эпоху войн и революций: «...политическое понятие борьбы в либеральном мышлении на стороне хозяйственной становится конкуренцией, а на другой, «духовной» стороне — дискуссией; на место ясного различия двух разных статусов — «войны» и «мира» — заступает динамика вечной конкуренции и вечной дискуссии.

Государство становится обществом, а именно, на одной стороне, этически-духовной, — с идеологически-гуманитарным представлением о «человечестве»; на другой же стороне — экономико-техническим единством единой системы производства и обращения. Из совершенно очевидной в данной ситуации борьбы воли к отражению врага получается рационально-конструированный социальный идеал или программа, тенденция или хозяйственная калькуляция. Из политически соединенного народа получается на одной стороне культурно заинтересованная публика, а на другой — частью производственный и рабочий персонал, частью же — масса потребителей. Из господства и власти на духовном полюсе получается пропаганда и массовое внушение, а на хозяйственном полюсе — контроль.

Важнейший теоретический шаг, который совершил К. Шмитт — отделение консерватизма от романтики. Направление мысли романтиков он увязывал с политической конъюнктурой, а романтический субъективизм объявил чертой современной буржуазии. Действительно, современный т.н. «либеральный национализм» представляет собой именно такую форму романтизированных либеральных принципов, в которых то и дело начинают звучать иные настроения — романтикой либерализм пытается заглушить в себе самом тот ужас, который наконец-то охватывает его от лицемерия самим же либерализмом учиненного разгрома всех государственных и общественных институтов.

Другим важным теоретическим достижением К. Шмитта стало разделение демократии и либерализма, которое видели и многие либералы, ставившие проблему готовности народа к демократии. К. Шмитт и его единомышленники, напротив, полагали, что демократия возможна всегда, а либерализм — лишь в периоды упадка.

Действительно, античность представляет пример нелиберальной демократии, а современная Европа (а Россия — в предельно карикатурной форме) — недемократического либерализма.

Видимое соединение либерализма и демократии, полагает К. Шмитт, возникает с введением всеобщего избирательного права. Между тем либерализм интересуется не нация, а свобода личности. Поэтому буржуазное общество становится над государством, превращая его в слугу.

Наиболее важно следующее теоретическое достижение К. Шмитта — вскрытие смысла политического как противостояния «своего» и «чужого», очищавшее политическую теорию от уловок и недомолвок либеральной мысли. Политический суверенитет значит способность определять, кто есть «враг». Консенсусно-договорная теория нации, как и теория политики вообще, завела многие страны и народы, не говоря уже об ученых-обществоведах, в непролазные дебри перманентного кризиса. Понимание политического, данное К. Шмиттом, показывает поли-

тикам и мыслителям ясный и четко обоснованный выход из этого плачевного состояния.

Антипарламентским пафосом проникнуто учение К. Шмитта и его единомышленников, названное «децизионизмом». Децизионизм придавал ценность политическому и правовому решению как таковому — вне зависимости от его обоснованности более высокими нормами права или традициями. Этим оказывалось противодействие бездеятельности и параличу власти Веймарской республики, которая оказывается хуже диктатуры, способной к принятию решений перед лицом радикального зла (Дон Кортес).

Децизионисты считали, что парламентская дискуссия лишь запутывает компромиссами, затрудняет решение или вообще не допускает его, а либерализм не в состоянии сформулировать, чего же он хочет. Тот же порок видит К. Шмитт и у романтиков, превращающих процесс выработки решения в вечный разговор. К. Шмитту ближе де-местеровское рассмотрение государства и Церкви как институтов, принимающих решения как если бы они были безошибочными.

Еще одним ярким представителем течения «консервативная революция» был Эдгар Юлиус Юнг. Объектом его критики была не только Веймарская республика, но и в целом буржуазная система власти большинства, в которой политика подчиняется посредственности и не в состоянии продуцировать лучшие решения. В процессе консервативной революции, по мысли Э. Юнга, должно состояться замещение принципа равенства принципом ценности, классового подхода — корпоративным, выборов — системой воспитания вождей, бюрократического режима — системой местного самоуправления.

Общий мессионистский порыв немецких мыслителей затронул и Э. Юнга, который прямо связал грядущую эпоху с новоевропейской империей во главе с немецким народом. Духовное лидерство немцев в Европе для Э. Юнга бесспорно. (Только русскую душу Э. Юнг признавал равноценным явлением, но видел в ней также и отсутствие порядка и завершенности — того, что делает немецкую душу сердцевинной европейской культуры.)

Именно немцы должны спасти европейские народы от либерализма, дать образцы нового мышления и вернуть центр Европы в Германию. Причем ключевым институтом в этом процессе Э. Юнг считал государство: «Также как для французов нация является священным понятием, точно так же для немцев — государство. Для немцев государство — это олицетворение тяги к совершенству...» [7].

Э. Юнг видит ценность в средневековом порядке жизни — прежде всего, в абсолютизме и тех ограничениях, которые абсолютизм накладывал на аппарат управления.

Свержение абсолютизма не дало реальных свобод, отделив государство от нации. В результате либерализации государство взяло на себя задачи общества и превратилось в «государство подаяний», благотворительное заведение, живущее неорганической жизнью. Преодоление этого положения дел возможно только возвращением захваченных государством функций сословным корпорациям, которые и представляют собой нацию.

В отличие от других представителей «консервативной революции» Э. Юнг не считал диктатуру способной решить ключевые проблемы нации. Воссоздание органичного государства требует планировать диктатуру только на завтрашний день, но никак не на послезавтрашний, считал Э. Юнг, допуская, таким образом, режим чрезвычайного положения, без готовности к которому не может обойтись ни одно государство. Но в нацизме Э. Юнг видел гремучую смесь марксизма и либерализма — экстремистскую концепцию государства. За что и поплатился жизнью в «ночь длинных ножей» 30 июня 1934 года.

Несколько иным представителем периода «консервативной революции» является М. Хайдеггер [2]. Следует сразу заметить, что он нигде напрямую не говорит о таких вещах, как форма правления, власть, государство. Его политическая философия органично вплетена в его общую философию и неотделима от нее. Однако необходимо отметить, что М. Хайдеггер рассматривал политику с весьма специфических позиций. Он считал, что за всеми видимыми проявлениями политики стоит могучая и древняя, необъяснимая и непознаваемая сила, о которой ничего не знают те, кто ей служит.

Представленную философско-политическую школу Германии начала XX века можно рассматривать как своего рода «еретическое» ответвление на древе консерватизма, берущее начало в экстатическом мышлении романтиков или в компромиссе с революционным активизмом левого движения. Антибуржуазный «радикализм» этих консерваторов не является плодом философского компромисса с «радикалами» левацкого толка.

Он является попыткой реконструировать консервативное мышление в его собственной, идеологически чистой форме — без примеси «левацкой утопии», связанной с опытом Просвещения, Французской революции и, если брать несколько шире, всей западной метафизики.

Кроме того, вершиной ценностной иерархии этих консерваторов было занято нацией, национальным единством.

Государство становится инструментом этого единства.

Общество как совокупность изолированных индивидов или группировок со своими частногрупповыми интересами рассматривается как подчиненное государству. Такой системе соответствует национальная форма демократии, очищенная от либерализма, и сословно-корпоративная иерархия, вершину которой занимает военная аристократия, подчиняющая себе государственный аппарат, который в интересах нации регулирует частнокапиталистические институты, сословные и общественные объединения. Поэтому можно говорить об этих консерваторах в несколько ином плане, чем другие консерваторы, в том числе и Э. Берк.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Антология мировой политической мысли. В 5 т. — Т. II: Зарубежная политическая мысль. XX в. / Отв. ред. Т.А. Алексеева. — М., 1997.
- [2] *Хайдеггер М.* Бытие и время. — М., 2003.
- [3] *Шпенглер О.* Пруссачество и социализм. — М., 2002.
- [4] *Юнгер Э.* Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли. — СПб., 2002.

- [5] An Abridgment of Esolish History: from the Invasion of Julius Casar to the end of the Reign of King John: — In Three Books: viz / The Works of Edmund Burke. In nine vol. — Boston, 1839. — Vol. 5.
- [6] *Moeller van den Bruck A.* Das Dritte Reich. — Hamburg, 1931.
- [7] *Михайловский А.* Консервативная революция: апология господства. Статья первая // <http://apn.ru/publications/article17389.htm>

**EDMUND BURKE
AND THE GERMAN CONSERVATIVE POLITICAL
THOUGHT IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY**

N.F. Zhirnov

The Department of Political Science
Povolzhskaya Academy of the Government Service
Sobornaya str., 23/25, Saratov, Russia, 410031

The developments of conservatism in many respects are conditioned by political changes, descending in society. The main problem of conservatism is to correct these changes to not enable distribution of radical ideas and implementation of them in the actual political practice. The conceptual substantiation of the given approach to the social transformations has found the reflection in the works of Edmund Burke, British thinker of the 18th century. In diverse form the conservative concepts developed in German political thought of the 20th century.

Key words: history of political thought, conservatism, Edmund Burke.